

Живет в Вильнюсе (Литва). О себе: "Я любитель- сочинитель"

В душе моей бездонный мрак,
Слезам и стону нет придела,
Там вольный ветер и зима,
Законы кутежа ввела!

Меня друзья не позовут,
Мне чашку чая не нальют,
Не посмотрев в мои глаза,
Рукою на меня махнут.

А ты в театр не идёшь,
И песен больше не поёшь,
В твоей груди печаль по мне,
Не весело, не хорошо, одной, тебе.

Ты мною, вдруг, заражена,
Ты любовалась мною снова,
Улыбка на твоём лице,
В любви опять призналась мне.

Тепло так хлынуло внезапно,
Как звон качнувшейся весны,
Раскрылись почки молодой листвы,
Так сердца моего касалась ты.

Я полюбил тебя недавно,
Я приезжал к тебе вчера,
Рука к руке прижались плавно,
Глаза смотрели мне в глаза.

Четыре раза порывался,
Обняв тебя сказать о том,
О чем случайно расплескался,
На кухне, ночью или днём.

Я говорить боялся первым,
Все спрашивая ободном,
Ты думаешь о главном, правда?
Как я, о вечном, ободном?

И вот, настало та минута,
Обнявшись в нежности навек,
Мы рассказали наше чудо,
Себе и ангелам во век!)))

* * *

«Я всё не сплю, чуть-чуть,
Грушу, но знаю, как хорошо,
На глобусе большом,
Такие маленькие мы вдвоем».*

Уже пора уснуть, а всё не спится,
Всё мысли носятся перед глазами вереницей.
На лестнице живой стоим, с тобой,
То я перед тобой, то ты передо мной,

То бегаю я за тобой, то ты за мной.
То вместе мы сидим и глаз не сводим,
В упор глядим или отводим,
То говорим, а то молчим,
То плачем, то смеёмся,
И вдруг, друг другу признаёмся...
Нам нравится друг другом любоваться.
Ну что ж тянуть...
Дай руку милая, идём венчаться!

*Ю. Колесников «За окном проходит вечер»

Казак

Ты начинал свой путь, один.
В степях бескрайних,
Неуёмных,
Тебя вскормила мать-земля,
На теле у себя.
Подушкаю тебе служила,
И сеном, для твоих коней,
Трава дубрав, трава полей.
Дон батюшка твои ладони омывал,
И силушку свою передавал,
Волнами волосы твои ерошил.
И путь к свободе показал.

Вас было мала, много стала,
По всей земле прокатывала слава,
Гремела подвигом и покоряла.
Ты на седле, как малый царь,
Вальяжно гордо поднимал,
Свой взгляд и вёл бровями,
Границы раздвигал,
Весь этот край в себя вбирал,
И песни сочиняя
Их по полю пускал,
Всю эту ширь благословляя...

И врага степного, ты не страшился,
Ты гнал его, вонзая взгляд,
В его полков растрёпанные своры.
Герой лихой, потомок Муромца, раб Божий,
С Георгием в петлице и в душе,
Глумиться на своей земле,
Ты недругу не оставлял надежды.

Кинжал и шашка, брызгали огнём,
Плоть рассекая наскоку,
И вражьи головы неслись, слетая,
Твой бег лихой перегоняя.

Вдруг, пал туман, застлало очи,
Топтали палачи,
Топтали днём и ночью,
Земли родимой красоту,
И наполняли реки кровью.
На сыновей твоих,
Пришла гибель.
Закралась в голову болезнь,
Забыли Бога,
И стали бить своих детей,
Рубить брат, брата,
Людское море лагерей,
Заканчивалось стенкой.
Двадцатый страшный век...

Тебя разбили.
Паралич.
Заткнули рот, зарезали кинжалом,
Чуб сбрили, на кол посадили,
И Голову в петлю, и к стенке придавили,
Истерзанный, и чуть дыша, взмолился ты.
Так искренно, в слезах...
И вторили тебе, кто жив остался...
И Бог разгневанный,
Сошёл с небес с любовью.
И напоил тебя с ладони,
Зерно Он в поле посадил,
И волю дал. Он всех освободил...
Открыты все дороги.

Нет, братцы, больше не допустим!
Здесь воля, и покой,
Станица за станицей на колени,
Все опускаются в воскресный день, в молитве.
Прошедшего круговорота,
Нам не забыть, не повторить.
Не пить, не бить и не губить...
Мы стали славить Бога.
Вернулись под крыло Отца,
Ведь казакам нельзя без Бога
Как полю без дождя.

Быть воле на Дону.
Уж, коль придёт пора, кого рубить,
Мы не затопчем наше поле.
В него лишь семя будем мы ложить.
А остальных мы будем принимать,
Как водится, хлеб солью.
А кто с мечом пожелует пахать,
То от меча и ляжет, в чистом, нашем поле.